

ОТЗЫВ
официального оппонента
кандидата философских наук,
доцента Гаврилова Олега Фёдоровича
на диссертацию Зудова Евгения Владимировича «Характер и причины
абerrации восточных религиозно-философских мотивов
в новых религиозных движениях», представленную на соискание ученой
степени кандидата философских наук по специальности
24.00.01 Теория и история культуры

Процессы модернизации западного общества стали причиной формирования такой социальной среды, в которой место традиционных религий заметно уменьшилось. Но, не смотря на масштабность секуляризации в странах Европы, Америки и в России, прогноз скорой смерти религиозности оказался несостоятельным. Кое-кто сейчас говорит даже о состоявшемся «реванше» религии. Однако даже если этот факт и признать, то надо иметь в виду, что вместо возвращения в лоно культуuroобразующих религий многие представители американо-европейского христианского мира стали на путь духовных поисков, который ведет в сторону от ценностей традиции. Освободившееся пространство духовного творчества, где еще недавно были монопольно представлены «религиозные старожилы», стали занимать различные новообразования. Среди них особое внимание привлекают те, которые активно используют восточную тематику, точнее сюжеты религиозного наследия Индии. Речь идет о неоориенталистских группах и некоторых организациях в рамках Нью-Эйдж. Проблема состоит в том, что причины этих мегаморфоз европейской культуры оказываются далеко не очевидными. Не понятно, чем экзотические идеи Востока подкупают человека западной ментальности и что происходит с ними в процессе их освоения. Работа Е.В. Зудова как раз и подчинена выяснению причин востребованности на Западе религиозных ценностей Древней Индии и особенностям трансформации, которую они претерпевают в результате их цивилизационной адаптации.

Автор специально не рассматривает, в какой степени названная тенденция характерна для современной России. Но, тем не менее, посредством отсылок к отечественным авторам, обращения к практике деятельности некоторых групп, имеющих отечественную прописку («Радостея» Е. Марченко), он недвусмысленно дает понять, что данная проблема актуальна не только, например, для европейских реалий, но в определенной степени затрагивает и нас.

Диссертация обладает необходимой степенью основательности благодаря тому, что ее автор достаточно внимательно подошел к вопросу выбора методологии собственного исследования. Он убедительно показывает, что исторический, религиоведческий, культурологический, антропологический и пр. подходы, обладая определенными преимуществами, не достаточны. По мнению автора, их эффективно восполняет социокультурный подход, в рамках которого и разворачивается осуществленное диссертантом исследование. Именно этот ракурс позволяет рассматривать многие процессы религиозной сферы как реакцию на изменения, происходящие в самом обществе. Этот общий исследовательский принцип дополняется обращением к раскрывающим суть современной ситуации частным методологическим подходам в лице концепции «множественности современностей» Ш. Эйзенштада, культурно-семиотической концепции К. Гирца, концепции религиозного индивидуализма («бриколажа») Д. Эрвье-Леже и пр.

Эта методологическая оснащенность исследования и наличие собственной концепции позволили диссертанту достичь результатов точно в соответствии с поставленными задачами. Он показал, что в огромном объеме религиозных смыслов Индии интерес вызывают в первую очередь идеи кармы, майи, нирваны, йоги, реинкарнации и холистическое миропонимание. В результате адаптации этих идей в культурном пространстве Запада с ними происходят такие изменения, которые с аутентичным смыслом оказываются не совместимыми. Карма становится «кармой нации», реинкарнация

воспринимается как цепь прошлых приключений, нирвана превращается в успешный итог «работы над ошибками», медитация в технику достижения свободы и пр. И это не просто трансформации, как их принято описывать в литературе, а, по мнению Е.В. Зудова, ничто иное как процесс аберрации, то есть упрощения, искажения, замены, модификации первоначальных значений. Автор диссертации показывает, как это происходит в ряде организаций неоориенталистской направленности и в рамках отдельных направлений движения Нью-Эйдж, вскрывая при этом их общие характеристики и специфику. При этом если в заключительном параграфе первой главы он выявляет универсальные характеристики аберрации восточных мотивов в НРД, то два последующих раздела посвящает конкретизации этой общетеоретической информации: в первом параграфе второй главы на материале неоориенталистских, а во втором – нью-эйджевских групп.

Думается, что главным итогом диссертационного исследования является вывод, согласно которому обращение носителей западной культуры к восточным мотивам и аберрация исходного смысла в ходе их усвоения продиктована особенностями европейской ментальности: доминированием ценностей рациональности, антропоцентризма, а также плюрализмом, как следствия глобализации. Эти мировоззренческие приоритеты освобождают человека западной культуры от необходимости усилий веры в процессе освоения идейного наследия Востока. Для достижения этой цели современному человеку более всего оказывается необходимо сциентистское оформление идейного материала, которым необходимо овладеть. А восточные медитативные практики становятся предметом внимания и восприятия только в результате предельного упрощения, превращаясь в техники совершенствования человека и общества. И наконец, смысловая основа неоориенталистских и некоторых нью-эйджевских групп в результате аберрации оказывается не чем иным, как эклектичным смешением самых разнородных идейных компонентов.

К числу новаций Е.В. Зудова можно отнести его вывод о том, что названные особенности НРД, объединенных восточной тематикой, приводят, в конечном счете, и к корректировке тех функций, которые они выполняют. На первый взгляд это те же функции, которые реализует любое религиозное образование. Но если присмотреться, то становится заметным, что мировоззренческая функция превращается в функцию наукообразной адаптации идей, компенсаторная трансформируется в функцию аффирмации, направленную на достижение личного успеха, а культуротранслирующая функция как условие диалога культур становится культуроадаптирующей, посредством которой и создается смысловой «микс» из идейных элементов различных цивилизаций и пр.

Вместе с тем, некоторые фрагменты исследования видятся достаточно спорными. Первое замечание касается недостаточной проработанности одного из содержательных моментов. Автор не один раз обращается к проблеме соотношения новой религиозности, новых религиозных движений и традиционных религий. Но, как нам кажется, он не вполне осознает, что за ней скрывается другая, более общая – проблема соотношения религии и религиозности. Создается впечатление, что для него заметных отличий между ними не существует, что новая религиозность и новые религии для него – одно и то же. Может быть, поэтому они в тексте и употребляются фактически как взаимозаменяемые. Хотя между делом в диссертации констатируется, что новая религиозность – это среда в которой формируются НРД, но чем они отличаются друг от друга остается не понятным.

То, что этой проблеме было уделено недостаточное внимание говорит и не вполне корректное определение новой религиозности, сформулированное диссертантом (диссерт. С.31-32). Оно лишено указания на родовой признак, а акцентирует внимание, прежде всего, на инновационность определяемого феномена. Приводя большой перечень трактовок религиозности, Е.В. Зудов своей собственной позиции по этому вопросу не обозначает. А проблема соотношения религии и религиозности,

на наш взгляд, заслуживает большей проработки, поскольку от ее решения зависит понимание ряда значимых вопросов, которые в диссертации, к сожалению, не получают своего должного освещения. Например, почему потребность в религиозном творчестве даже и в нашу секулярную эпоху продолжает требовать своего удовлетворения? Что заставляет рассматривать некоторые социальные новообразования именно как религиозные феномены, если даже представители этих групп, как неоднократно указывает диссертант, от такого «родства» стараются дистанцироваться? Соответственно, насколько допустимо отдельные проявления, в частности, Нью-Эйдж, тиражирующие восточные мотивы, называть *квазирелигиозными* образованиями и одновременно относить к новым *религиозным* движениям, как это делает автор диссертации вместе с другими специалистами (все-таки они религиозные или квази-)?

Второе замечание касается скорее формы выражения результатов исследования. Представляется, что Е.В. Зудов, который констатирует свою приверженность академическому подходу за его нейтральность, объективность, за отсутствие в нем негативных коннотаций, тем не менее, последовательно провести его не смог, что, вероятно, и в принципе невозможно. Полностью нейтральных участников диалога в русле поднятых проблем просто не видно. Среди заинтересованных сторон в первую очередь, конечно, обращают на себя внимание представители традиционных религий (конфессиональный подход) и НРД. Но и в среде университетских интеллектуалов безучастных полемистов не найти. В их ряду с одной стороны – те, кто утверждает, что время тотального отрицания метанарративов еще не пришло (антикультовый подход), а с другой, как раз те, кто наступление этой новой эпохи признают и явно или косвенно приветствуют (академический подход).

Поэтому и автору полностью «безоценочным» остаться не удалось. Он вслед за цитируемыми западными и отечественными специалистами дает нелицеприятные характеристики традиционным религиям и констатирует

наличие большого конкурентного потенциала у НРД. Традиционные религии в этой трактовке обладают низкой способностью к приспособлению, у них отсутствуют живые формы актуальной религиозной коммуникации с Богом, они не могут обеспечить идентичность и живут прошлым. Поэтому они и теряют часть своей функциональности, а на смену им приходят новые религиозные движения (диссерт. С.143-144), которые видят происходящие изменения и принимают вызовы времени.

Очевидно, что все вышеприведенное отнюдь не является совокупностью безоценочных суждений, в них явно просматривается определенная модальность. Но и эту оценку НРД диссертанту до конца последовательно выдержать не удалось и он вольно или невольно использует противоположную коннотацию. Так, он вынужден признать, что ни высокая миссионерская активность, ни способность к трансформации не позволяет НРД интегрироваться в социум, чему виной – дефицит веры (диссерт. С.150-151). Да и сама терминология, привлеченная диссертантом для определения аберрации, весьма характерна: «упрощение», «искажение», «онаучивание» и т.п. Правда, Е.В. Зудов старается эти эпитеты смягчить. Во-первых, он говорит, что изменения восточных мотивов в НРД не следует сводить к искажению, упрощению, непониманию, но не потому, что этого нет, а потому, что эти характеристики не объясняют природу и причины аберрации. По его мнению, аберрацию в восточных мотивах можно считать неким процессом восполнения недостающих компонентов в самых разных сферах трансформирующегося общества – духовной, научной, религиозной и т.д. (диссерт. С.70). Мы с этим согласны. Но ведь от того, что процесс аберрации вызван некими конкретными факторами его результат – «восполнение» – не перестает быть упрощением и искажением. Во-вторых, автор иногда замечает, что аберрация проявляется, в том числе, и в модификации, и в дополнении первоначального смысла, но в ряду приведенных иллюстраций доминируют те, которые показывают, что результат творчества НРД обычно напоминает карикатуру на оригинал.

Тем не менее, указанные замечания не снижают актуальности, качества и значения представленного к защите исследования. Сформулированная в начале диссертации гипотеза нашла свое подтверждение, поставленные задачи оказались решенными, а положения, выдвинутые на защиту, обоснованными. Текст диссертационного исследования отличается самостоятельностью, четкая логика, композиционная цельность, оптимальный баланс теоретических обобщений и эмпирических включений, наконец, хорошая грамотная стилистика. Автор продемонстрировал глубокое знакомство с классикой философской и научной литературы, с работами современных отечественных и зарубежных специалистов (в списке использованной литературы 234 источника, из них 22 на иностранном языке).

Работа обладает концептуальной целостностью и отчетливой логической структурой. Автореферат соответствует содержанию диссертации и дает адекватное представление о проведенном исследовании. Результаты исследования полноценно отражены в публикациях автора.

Таким образом, следует заключить, что представленная к защите диссертация является научно-квалификационной работой, которая отвечает требованиям п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней», предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор Евгений Владимирович Зудов заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 24.00.01 – теория и история культуры.

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
Кемеровского государственного
университета

Олег Фёдорович
Гаврилов
подпись _____ заверяю: _____

8 ноября 2016 года

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет», 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6. Телефон: 8(3842) 58-06-49. E-mail: gof57@yandex.ru